

Мир
ОБОРОТНЕЙ

The poster features Lana Del Rey in a black, lace-trimmed, off-the-shoulder gown, looking upwards with a slight smile. She is flanked by two large, hairy werewolves with glowing yellow eyes. The werewolf on the left is holding her arm, while the one on the right is holding her waist. They are in a gothic setting with a large, full moon in the background, a clock tower, and a bridge. Red roses are scattered around the scene.

ЛАНА ВЕЙР

The name 'Лана Вейр' is written in a stylized, gothic font. Below the name is a decorative flourish that includes a crescent moon and three red claw marks.

Лана Вейр

Мир оборотней

<https://litres.ru/74435483>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она знала его судьбу. Его характер. Его тайны.

Потому что когда-то он был всего лишь героем любимой книги.

Алёна читала «Мир оборотней» десятки раз — историю о войне между древними кланами, запретной любви и девушке, которой суждено остановить столетний конфликт между оборотнями и вампирами.

Она не ожидала, что однажды проснётся внутри этой истории.

Теперь у неё чужое лицо, чужая жизнь и дар видеть будущее всего на пятнадцать минут вперёд. Но самое опасное — Ролланд Эшкрофт. Оборотень, которого она считала выдуманным персонажем, оказался настоящим. Живым. Опасным. И слишком притягательным.

Алёна знает, какие события должны произойти. Знает, кто предаст. Знает, кто погибнет.

Но книга начинает меняться.

А вместе с ней меняется и Ролланд.

Чтобы вернуться домой, Алёне придётся разрушить сюжет, которому она доверяла, раскрыть тайну создателей этого мира и

решить, что страшнее: остаться пленницей книги или потерять мужчину, которого никогда не должно было существовать.

Содержание

Глава 1. Монетка	5
Глава 2. Эвелин Харт	12
Глава 3. Ролланд	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мир оборотней

Глава 1. Монетка

Я любила эту книгу не так, как любят хорошие книги.

Хорошие книги я читала один раз, иногда два. Потом ставила на полку, советовала друзьям и через пару лет помнила настроение, пару сцен и имя главного героя – если повезёт.

«Мир оборотней» был совсем другой историей.

Его я перечитывала неприлично часто. Как старую переписку, в которой однажды нашёлся правильный ответ и теперь хочется возвращаться, чтобы убедиться: нет, не показалось.

К двадцати пяти годам я знала роман почти наизусть.

Знала, что в третьей главе Эвелин Харт впервые увидит Ролланда Эшкрофта под дождём у разрушенной часовни. Что Адриан Вэйл в восьмой соврёт про письмо, которого у него никогда не было. Что Мара погибнет в карете, хотя уже на втором прочтении мне хотелось трясти автора за плечи и спрашивать, зачем было убивать единственного человека, который умел разговаривать с Ролландом без страха и благоговения.

Я знала, какой рукой он держал нож, когда нервничал.

Где у него шрам.

Почему он ненавидел запах груш.

И всё это было совершенно бесполезным знанием для взрослой женщины, которая зарабатывала на жизнь редактированием чужих текстов.

Тем вечером я сидела на бортике старого фонтана в парке и снова читала сцену, в которой Эвелин полстраницы делала вид, будто не понимает очевидного.

– Да скажи ты ему уже, – пробормотала я.

Собака, которую вёл мимо мужчины лет пятидесяти, повернула ко мне голову.

Мужчина тоже.

Я подняла телефон.

– Это не вам.

Он ускорил шаг.

– Ну и правильно.

Собака ещё секунду смотрела на меня с явным сочувствием.

Я выключила экран.

Конец октября. Сырость. Тёмные деревья. Фонари зажглись слишком рано, хотя до вечера вроде бы оставалось время. Фонтан отключили на зиму, но в чаше всё равно стояла чёрная вода, плавали листья и блестели мелкие монеты.

День на работе был из тех, которые можно удалить из памяти без ущерба для сюжета.

Утром – правки рекламного текста.

Днём – созвон, на котором три взрослых человека сорок минут спорили, можно ли назвать продукт «интуитивно по-

нятным».

Вечером – магазин, парк и книга, в которой люди хотя бы убивали друг друга по более веским причинам.

Дома меня ждали остывшая паста, полуживой базилик и ноутбук, который я торжественно обещала себе не открывать после девяти.

Я уже встала, когда на дне фонтана что-то блеснуло.

Не десятирублёвая монета. Не евро. Вообще ничего знакомого.

Крупный медный кругляш лежал между листьями. На одной стороне – цифры или буквы, стёртые водой. На другой – циферблат.

Без стрелок.

Я нагнулась ниже.

– И откуда ты тут?

Монета, разумеется, не ответила.

Рукой не достать. Лезть в ледяную воду в конце октября ради чужой мелочи – отличный способ закончить вечер с температурой.

Я порылась в карманах и нашла десять рублей.

– Ладно. Один глупый поступок за день я себе заслужила.

Положила монетку на большой палец.

Можно было пожелать денег.

Отпуска.

Нормального сна.

Отношений с человеком, который знает, что сообщения

иногда надо отправлять, а не мысленно формулировать.

Но желание пришло сразу, и именно поэтому я не успела его отфильтровать.

– Хочу попасть в «Мир оборотней».

Монета звякнула о воду и утонула рядом с медной.

Я подождала.

Секунду.

Две.

Пять.

Ничего.

– Сильная магия.

Я натянула перчатки и пошла домой.

В подъезде не горела лампочка между третьим и четвёртым этажом. Сверху соседка кого-то уничтожала по телефону. Пахло жареным луком и порошком для пола.

Обычный вечер.

Очень обычный.

Я разулась, поставила чайник, открыла ноутбук по привычке, посмотрела на рабочую почту и тут же закрыла.

– Молодец. Взрослеешь.

Паста оказалась хуже, чем я помнила.

Книга – лучше.

До полуночи я читала главу про старый Лондон: мокрые мостовые, экипажи, лиловое пламя в фонарях, крыши, шпили, дальний вой по ночам.

Эвелин возвращалась домой и ещё не знала, что через три

дня встретит Ролланда.

Я знала.

Наверное, поэтому этот мир всегда казался мне безопаснее настоящего.

Там, даже когда всё рушилось, у меня была последняя глава.

Я знала, кто врёт.

Кто умрёт.

Кто потом окажется не таким плохим.

Кто получит по заслугам.

В жизни спойлеров не выдавали.

Телефон выпал из руки после двух.

Я проснулась от колокола.

Один удар.

Я не открыла глаза.

Второй.

– Серьёзно?

Третий.

У нас поблизости не было колокольной.

Я приподнялась на локте. Комната тёмная, за окном привычный двор, редкая машина проехала по мокрому асфальту.

Четвёртый.

Пятый.

Наверное, приснилось.

Я снова легла.

К девятому удару стало холоднее.

Не «я замёрзла». Именно комната изменилась. Воздух стал сырее, тяжелее.

К одиннадцатому запахло дождём.

К двенадцатому мне показалось, что кровать качнулась.

А потом всё исчезло.

* * *

Утром меня разбудила подушка.

Звучит глупо, но именно так.

Она была слишком жёсткой.

Я перевернулась, попыталась натянуть одеяло выше и сонно подумала, что простыня какая-то ледяная.

За окном загремели колёса.

Я открыла глаза.

Потолок был чужим.

Вот эта мысль пришла первой.

Не «где я?».

Не «что происходит?».

Просто: потолок не мой.

Высокий, белый, с тонкой трещиной возле лепнины.

Я села.

Комната тоже оказалась не моей.

Тёмно-зелёный гобелен. Кресло с изогнутыми ножками. Серебряный кувшин. Стакан.

И окно.

Я посмотрела на него – и внутри что-то провалилось.

В правой части витража не хватало синего кусочка.
Я знала это окно.

Глава 2. Эвелин Харт

До витража я дошла босиком.

Пол обжёг холодом. Широкие доски, тёмные от времени.

На стекле трещина, похожая на молнию.

В книге была совершенно идиотская фраза про прежнего хозяина дома: он стрелял в голубя, промахнулся и выбил кусок витража.

Я ещё спорила в комментариях, голубь это был или ворон.

Тогда мне казалось важным.

Теперь хотелось сесть на пол.

– Нет.

Голос был чужим.

Я замолчала.

Медленно повернулась к зеркалу.

На меня смотрела молодая женщина в белой ночной сорочке.

Тёмные волосы до ключиц.

Серые глаза.

Острый подбородок.

Родинка у левого виска.

Я подняла руку.

Она тоже.

– Нет.

Подошла ближе.

Коснулась щеки.

Холодная кожа.

Настоящая.

Пульс под пальцами – тоже настоящий.

– Нет, нет, нет.

Я резко отвернулась и чуть не ударилась бедром о стол.

На нём лежало письмо.

«Мисс Харт».

Я схватила конверт обеими руками.

Почерк я тоже знала. В печатном издании письма были вставлены картинками, и я когда-то разглядывала каждую.

Герб дома Фенвик.

Именно отсюда начинались события романа.

Я закрыла глаза.

– Хорошо. Это сон.

Сказала вслух – на всякий случай.

– Очень детальный. Пугающе дорогой сон.

Рядом звякнул стакан.

А потом комната исчезла.

Не погасла.

Не поплыла.

Просто перестала существовать.

Я увидела другую последовательность – короткую, ясную, будто кто-то быстро промотал фильм вперёд.

Дверь откроется.

Войдёт девушка в сером платье.

Поднос.

Край ковра.

Она споткнётся.

Ложка упадёт.

За окном проедет чёрная карета.

Кто-то крикнет на улице.

Стакан перевернётся.

Я моргнула.

Комната вернулась.

Вцепилась пальцами в стол и попыталась вдохнуть.

Шаги за дверью.

– Только не это.

Дверь открылась.

Девушка в сером платье вошла с подносом.

– Доброе утро, мисс Харт. Я принесла...

Она зацепилась носком за ковёр.

Поднос качнулся.

Ложка звякнула о пол.

За окном прогрохотала карета.

– С дороги! – крикнул кто-то с улицы.

Девушка торопливо поставила поднос и локтем задела стакан.

Я поймала его.

Просто протянула руку туда, где он должен был оказаться.

Девушка застыла.

Я тоже.

Она первой моргнула.

– Мисс?

Я поставила стакан обратно.

– Какое сегодня число?

– Двадцать первое октября.

Слишком спокойно.

Она сказала это так, будто двадцать первое октября не означало для меня примерно всё.

– Точно?

– Да, мисс.

– А... год?

Она посмотрела уже настороженно.

Я тут же махнула рукой.

– Нет. Ничего. Я плохо спала.

– Вы хотите, чтобы я позвала доктора?

– Нет.

Слишком резко.

Я смягчила голос.

– Спасибо. Правда не надо. Как тебя зовут?

Теперь она уставилась на меня так, будто доктор всё-таки понадобился.

– Нора.

Конечно.

Нора.

У Эвелин была служанка по имени Нора. В книге она появлялась раз пять. Приносила письма и чай, а один раз пла-

кала после смерти соседского мальчика.

Я почему-то никогда не думала, что у неё может быть лицо.

А оно было.

Веснушки. Светлые ресницы. Уставшие глаза.

– Нора, – повторила я.

– Да, мисс.

– Я сегодня немного... странная.

– Я заметила.

Я посмотрела на неё.

Она испугалась собственной смелости.

– Простите.

– Нет. Всё правильно. Если я начну разговаривать с мебелью, скажи.

Нора явно не поняла, шучу я или нет.

– Приказать подать завтрак?

– Да. И кофе.

– Кофе?

– Очень крепкий.

– Хорошо.

Она подняла ложку, поклонилась и пошла к двери.

– Нора.

– Да?

– Я часто спрашиваю, какое сегодня число?

– Нет.

– Плохо.

Она снова насторожилась.

– Почему?

– Потому что тогда у меня не получится сделать вид, что всё нормально.

Нора секунду смотрела на меня.

И неожиданно улыбнулась.

Чуть-чуть.

– Я никому не скажу.

Вот это было первое человеческое, что произошло со мной тем утром.

Когда дверь закрылась, я подошла к окну.

За ним был Лондон.

Не тот, куда летают на выходные.

Серый. Тесный. Мокрый.

Крыши проваливались в туман. Экипажи стучали по мостовой. Над домами торчали трубы и шпили. На углу горел фонарь с лиловым огнём.

А дальше поднималась Часовая башня.

У циферблата не было стрелок.

Я прижала ладони к подоконнику.

Хотелось плакать.

Хотелось смеяться.

Хотелось найти человека, который всё это устроил, и очень подробно поговорить с ним о границах допустимого.

И ещё я подумала о Ролланде.

Конечно.

Не о войне.

Не о настоящей Эвелин.

Не о том, как вернуться домой.

О нём.

Где-то в этом городе ходил человек, которого я знала как набор сцен, диалогов и читательских споров.

Живой.

Я закрыла лицо руками.

– Нет. Сначала думаем.

Убрала руки.

– Разумно.

Пауза.

– Хотя один раз посмотреть...

Я ненавидела себя за эту мысль примерно три секунды.

В оригинале сегодня вечером Ролланд был в «Серой Луне».

Закрытый клуб в Уайтчепеле.

Пароль: «Луна помнит кровь».

Эту деталь Мара рассказывала потом, между делом.

Я помнила.

Конечно, помнила.

До встречи Эвелин и Ролланда по сюжету оставалось три дня.

До убийства курьера Ночного Двора – меньше суток.

До гибели Мары – девять дней.

До того, как война снова начнёт набирать обороты, – со-

всем немного.

Я должна была спасать мир.

Очень желательно – немедленно.

Но перед этим хотела убедиться, что Ролланд вообще существует.

– Один час, – сказала я отражению в стекле. – Проверяем. Потом становимся ответственной.

Это была первая ложь, которую я сказала самой себе в этом мире.

Разумеется, всё заняло дольше.

Сначала выяснилось, что одежда Эвелин требует отдельного образования.

Я дважды звала Нору.

В первый раз она затянула на мне корсет и спросила:

– Не слишком туго?

– Если я скажу «да», ты ослабишь?

– Конечно.

– Тогда да.

Она ослабила.

Я смогла вдохнуть.

– Почему Эвелин... то есть я... обычно так затягивала?

Нора замерла за моей спиной.

– Вы никогда не любили тесные корсеты.

– Прекрасно. Значит, хоть в чём-то мы совпадаем.

Во второй раз я позвала её из-за застёжек на платье.

– Нора.

Она появилась в дверях почти сразу.

– Да, мисс?

Я молча показала на спину.

– Я не могу понять, как это закрывается.

Она подошла.

– Вы серьёзно?

– Очень.

– Вчера могли.

– Сегодня у меня сложный день.

– Это я тоже заметила.

– Не привыкай.

Она тихо фыркнула.

Вот теперь мне стало интересно, какой Эвелин была с ней на самом деле.

После одежды я нашла деньги.

Старинные фунты лежали в ладони тяжело, непривычно. Документы. Адрес. Счета. Квитанция врача, о которой в романе ни слова.

К полудню восторг закончился.

Потому что чужая жизнь не была декорацией.

У Эвелин были счета.

Покупки.

Книга с загнутым уголком.

Письма от людей, которых я не помнила.

Служанка, которая умела смеяться, если хозяйка позволяла.

Я села на кровать.

Где Эвелин?

Вопрос пришёл без предупреждения.

Если я здесь, в её теле, то где она?

Что я с ней сделала?

– Я не просила именно так.

Ответа не было.

Я заставила себя отложить это.

Не забыть.

Отложить.

До вечера проверила дар ещё два раза.

Первый – случайно.

Второй – специально.

После второго в висках заболело так, будто я четыре часа без перерыва смотрела в экран.

В книге об этом почти не говорилось.

– Конечно, – сказала я пустой комнате. – Кому интересно, что героиню тошнит после магии.

Нашла карту Лондона.

«Серая Луна» была на месте.

К шести я стояла перед зеркалом в тёмно-синем платье и пальто.

В отражении была Эвелин.

Смотрела – я.

От этой мысли стало не по себе.

Нора появилась за спиной.

– Вы куда-то собираетесь?

– Да.

– Куда?

Я посмотрела на неё через зеркало.

– Если скажу, ты попытаешься меня остановить?

– Возможно.

– Тогда лучше не скажу.

– Мисс Харт.

Вот теперь в её голосе появилось раздражение.

Живое.

Настоящее.

– Я вернусь.

– Когда?

– Не знаю.

– С кем?

Я повернулась.

– Нора, ты всегда задаёшь столько вопросов?

– Когда вы ведёте себя так, будто собираетесь сделать глу-

пость, – да.

– И часто помогает?

– Нет.

– Тогда традицию нарушать не будем.

Она вздохнула.

– Возьмите хотя бы экипаж.

– Возьму.

– И не ходите одна по Уайтчепелу.

Я застыла на полшага.

Нора заметила.

– Значит, всё-таки туда.

– Ты очень неприятно наблюдательная.

– Вы плохая лгунья.

– Это временно.

– Надеюсь.

Я вышла из дома.

И впервые за весь день поймала себя на том, что улыбаюсь.

Глава 3. Ролланд

К «Серой Луне» я приехала уже в темноте.

Экипаж остановился у кирпичного здания без вывески. Ни неона. Ни мистического волка над дверью. Просто два окна. Железная дверь. Мужчина у входа.

Я расплатилась и осталась стоять на мокрой мостовой. Вот теперь стало страшно. По-настоящему. Внутри находились люди, которые чувствовали запахи лучше меня, слышали лучше меня и при желании могли сломать мне шею быстрее, чем я вспомню удачную цитату из романа.

– Поздно умнеть, Алёна.

Охранник посмотрел на меня.

– Закрыто.

– Луна помнит кровь.

Вот теперь интерес появился. Не в лице. В том, как он вдохнул.

– Кто дал вам слова?

– Человек, который не хотел, чтобы я называла его имя.

– Тогда возвращайтесь к нему.

– Не могу.

– Почему?

– Он мёртв.

Охранник смотрел на меня.

– Удобно.

– Мне тоже не нравится.

– Имя.

– Моё?

– Его.

– Я же сказала: не назову.

– Тогда не войдёте.

Мы постояли друг напротив друга. Я уже решила, что придётся придумать что-то ещё, когда он вдруг спросил:

– Человек или оборотень?

– Что?

– Тот, кто дал слова.

– Если я отвечу, вы поверите?

– Нет.

– Тогда зачем спрашиваете?

В его глазах мелькнуло что-то похожее на раздражённое уважение.

– Вы всегда такая разговорчивая?

– Только когда нервничаю.

– Я чувствую.

– Тогда сэкономили время.

Он ещё секунду смотрел, потом открыл дверь.

– Если внутри возникнут проблемы, я вас не знаю.

– Мы и сейчас не особенно близки.

Дверь закрылась за мной.

В клубе пахло табаком, мокрой шерстью, спиртом и чем-то металлическим. Разговоры не прекратились. Просто ста-

ли тише. Я сняла перчатки, чтобы занять руки. В книге было написано, что оборотни чувствуют страх. Хорошо. Пусть чувствуют. Скрыть всё равно не получится.

Ролланда я увидела почти сразу. Он сидел у дальней стены, спиной к окну. Тёмные волосы оказались короче, чем на иллюстрациях. Серое пальто лежало рядом. Белая рубашка расстёгнута у горла. Правая рука – на столе. На костяшке – шрам.

Он посмотрел прямо на меня. И я поняла две вещи. Первая: глаза у него не «цвета зимнего неба». Просто светло-серые. Вторая: ему уже не нравится, что я здесь.

Я подошла. Он дождался, пока остановлюсь напротив.

– Вы потерялись?

– Возможно.

– Это клуб для членов Стаи и приглашённых.

– Я догадалась.

– Вы не оборотень.

– Нет.

– Приглашение?

– Нет.

За соседним столом тихо хмыкнули. Ролланд даже не посмотрел туда.

– Тогда повторю. Вы потерялись?

– Вы Ролланд Эшкрофт.

– Это не ответ.

– Зато правда.

– Моё имя не тайна.

– Для меня долгое время почти всё остальное было тайной.

Плохо. Очень плохо. Ролланд чуть наклонил голову.

– Мисс...

– Эвелин. Эвелин Харт.

– Я должен вас знать?

– Нет.

– Но вы знаете меня.

– Да.

– Откуда?

– Я бы предпочла пока не объяснять.

– А я бы предпочёл, чтобы незнакомые женщины не входили в закрытый клуб по чужому паролю и не сообщали, что знают меня.

– Понимаю.

– Не похоже.

Он говорил спокойно. Вот что раздражало. Я посмотрела на его руку. Шрам действительно был там. Ролланд заметил. Медленно убрал ладонь со стола.

– Что ещё?

– Вы смотрите так, будто сверяете меня со списком.

– Возможно.

– И как? Совпадаю?

– Не полностью.

За соседним столом опять кто-то тихо засмеялся. Ролланд

повернул голову. Смех прекратился. Я чуть не улыбнулась.

– Садитесь, – сказал он.

– Не хочу.

– Тогда зачем подошли?

Вот оно. Я могла предупредить о курьере. Назвать имя будущего убийцы. Потребовать встречи с главой Стаи. Вместо этого я спросила:

– Вы всегда так разговариваете с женщинами?

– С теми, кто приходит без приглашения? Примерно.

– А если женщина пришла именно к вам?

– Тогда обычно говорит зачем.

Я чувствовала, как горят уши. Годы фантазий, тысячи страниц – и теперь я стояла перед живым человеком и внешне выяснила, что никакой красивой реплики у меня нет. Поэтому сказала правду.

– Я хочу вас.

Соседний стол замолчал. Ролланд тоже.

– Простите?

– Вы слышали.

– Услышал. Не уверен, что правильно понял.

– Тогда уточняю. Я хочу провести с вами ночь.

Он посмотрел на меня внимательно. Не раздевая глазами. Хуже. Будто пытался понять, где ловушка.

– Вы меня не знаете.

– Знаю достаточно, чтобы хотеть.

– Неубедительно.

– Для вас?

– Для любого человека с инстинктом самосохранения.

– У меня сегодня сложные отношения с самосохранением.

Уголок его рта дёрнулся. Не улыбка. Почти.

– Это заметно.

– Если не хотите, скажите. Я уйду.

– Вот так просто?

– Обычно женщины не приходят ко мне с подобными предложениями через пять минут после знакомства.

– Мы знакомы уже больше пяти минут.

– Это всё меняет.

– Ролланд.

– Мисс Харт.

– Вы издеваетесь?

– Немного.

Вот теперь он улыбнулся. Коротко. И это оказалось опаснее всего остального. Он встал. Я автоматически сделала полшага назад. Ролланд заметил.

– Передумали?

– Нет.

– Тогда идёмте.

Дорогу я почти не запомнила. В экипаже было темно. Ролланд сидел напротив и не пытался поддерживать разговор.

– Бойтесь?

– Да.

– Но едете.

- Да.
- Неразумно.
- Вы уже это говорили.
- Нет. Я сказал про инстинкт самосохранения.
- Это было примерно то же самое.
- Вы всегда спорите о формулировках?
- А вы?

Я закрыла рот. Профессиональная деформация.

Дом оказался в тихом переулке. Внутри – темно, просто, почти пусто. Ролланд снял пальто. Я тоже. Он закрыл дверь и остался возле неё.

- Последний шанс уйти.
- Вы очень хотите, чтобы я ушла?
- Я хочу понимать, что вы здесь добровольно.
- Добровольно.
- Точно?
- Да.

Он не подошёл. Я ждала.

- Я думала, вы поцелуете меня.
- Могу.
- Но?
- Но сначала хочу знать, что именно вы решили получить.
- Вас.
- Это не ответ.
- Опять?
- Опять.

– Хорошо. Я хочу близости. Жёсткой, но не такой, где моё «нет» вдруг считается частью игры.

Ролланд даже не улыбнулся.

– Не считается.

– Если я скажу остановиться – останавливаемся.

– Сразу.

– И вы тоже можете остановиться.

– Разумеется.

Пауза.

– Всё?

– Пока да.

– Тогда подойдите.

– Сами не можете?

– Могу. Но хочу, чтобы первый шаг сейчас сделали вы.

Я подошла. Сама.

И только тогда он коснулся меня.

Не поцеловал сразу. Провёл пальцами по моей шее – медленно, будто запоминал. Я почувствовала, как под кожей собирается тепло, будто от его прикосновения загорается что-то, о чём я сама не знала. Он наклонился к моему уху, и я услышала, как он вдохнул – глубоко, жадно. Запах. Обратные чувствуют запахи лучше людей. И сейчас он чувствовал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.